

Л. Ф. Змеев

Чтения по врачебной истории России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Ф. Змеев**
Чтения по врачебной истории России / Л. Ф. Змеев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 258 с.

ISBN 978-5-458-07236-6

ISBN 978-5-458-07236-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ч А С Т Ъ В С Т У П И Т Е Л Ь Н А Я.

СТРАВ.

- ГЛАВА I. Поверхность русской равнины.—Лаврентіевская и Гуронская формация.—Силлурійская и Девонская форм.—Каменноугольная.—Пермская.—Заключение.—Вторичныя образования, Триасъ. — Юра. — Мѣль.—Третичныя, Эоценъ.—Миоценъ. — Плиоценъ. Заключение. Третичныя по М. Богданову. — Четвертичныя образования, Ледниковыя — Диллювій. — Аллювій. — Опусканіе Арало-Каспія по М. Богданову 5
- ГЛАВА II. Климатъ.—Циклоны, вѣтры.—Изотеры и пр.—Влага, осадки.—Растительность и животность. — Тундра. — Лѣсъ. — Степь . 11
- ГЛАВА III. Первобытный человѣкъ.—Погребеніе. — Его растенія, животныя и пр.—Орудія.—Вліяніе природы, пищи, одежды, жилья.—Насѣкомыя.—Охота.—Огонь. — Украшенія, амулеты. — Черепа и національность славяпъ по Пѣше, Эккеръ и Анат. Богданову. — Чаша кульобская. — Чертомлыкская. — Приспособляемость переселенцевъ . 14
- ГЛАВА IV. Вліяніе міровыхъ и др. дѣятелей на русской равнинѣ. — Рождаемость.—Климатъ, почва, свѣтъ, теплота, воздухъ. — Вліянія на растенія и животныхъ. — Пища, напитки, жилища, трудъ. — Переживаніе и вырожденіе. 22
- ГЛАВА V. Болѣзненность на нашей равнинѣ. — Бактеріи. — Лихорадки.—Горячки.—Проказа, ракъ и пр.—Болѣзни вырожденія и проч.—Болѣзни дыхательныхъ органовъ.—Пищеварительныхъ.—Кровообращенія.—Мочевыхъ. — Накожныя, глазныя, женскія болѣзни.—Душевные и нервныя. — Уходъ за больнымъ. — Смертность. — Дѣтскія болѣзни и смертность 33
- ГЛАВА VI. Народныя воззрѣнія на болѣзнь. — Вступленіе. — Процессъ мышленія первобытнаго человѣка. — Почему человѣкъ вѣрилъ въ слово. — Сравнительное общеславянское званіе болей, частей тѣла. — Названія болѣзней: сумасшествія, нервныхъ, глаза, уха, носа, шеи, туловища (колотья), сердца, брюха, таза, мочеполювыхъ, оконечностей, внѣшнихъ поврежденій; горячки, лихорадки, кожныя болѣзни, дѣтскія и болѣзни вырожденія. — Выводы. — Вѣщіе люди. — Народная патологія: лихорадки и повалки 39
- ГЛАВА VII. Врачеваніе. — Заговоры: отъ кровотеченія, укуса змѣи, лихорадокъ, уроковъ, зубной боли. — Историческій ходъ идеи лѣченія. — Заговоры: отъ

грыжъ, колотья, утица, усоей, древнихъ нервныхъ болѣзней, волоса, ногтя и пр., коросты и золотухи, жабы, дѣтскихъ и женскихъ болѣзней, глазныхъ бол. и заговоры при собираніи травъ .	62
ГЛАВА VIII. Врачебники на Руси.—Ихъ исторія.—Ихъ составъ.—Выводы .	89

Ч А С Т Ь II.

Очеркъ исторіи русскаго врачевства отъ первыхъ временъ до единой державіи Петра I.

ГЛАВА I. Доисторическое время	99
ГЛАВА II. Новгородско-кіевское время.	105
ГЛАВА III. Владиміро-суздальское время	119
ГЛАВА IV. Московская княжеская Русь	132
ГЛАВА V. Русь московская государственная. Шестнадцатый вѣкъ.	141
ГЛАВА VI. Попытка очертить врачебное дѣло въ Россіи въ XVII вѣкѣ (до единой державіи Петра). Источники. — Общее вступленіе. — Царствованіе Михаила Фёдоровича кратко.—Бытъ и сословія при Алексѣѣ Михайловичѣ. — Общее образованіе, школы. — Врачебная словесность вѣка. — Врачебная школа. — Ея выученики и частныхъ лицъ. — Иноземное вліяніе и врачи. — Знанія иноземныхъ и русскихъ лѣкарей. — Рядъ врачебныхъ чиновъ, его службы, рангъ, практика и жалованіе. — Доктора при дворѣ и лѣкаря въ полкахъ. — Одежда. — Плата. — Лѣкарства и аптекаря. — Сады. — Помясы. — Аптека. — Аптекарскій приказъ и волокита. — Аптекарская палата. — Архіатеръ. — Петровскія реформы приказа. — Монополія аптекъ. — Судебная медицина и медицинская полиція. — Больницы. — Повальные болѣзни. — Научно-врачебныя знанія а) въ Европѣ, б) въ Россіи иноземныхъ и русскихъ врачей. — Осмотры. — Краткое впечатлѣніе всего пройденнаго. — Связь съ предъидущимъ и послѣдующимъ вѣками	182

Кто, вступая въ жизнь, хочетъ быть сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ на пользу родины лицомъ, тому необходимо знать исторію (своего дѣла), чтобы не бродить оцупью и не вѣсть даромъ общественнаго хлѣба.

Естественно-историческій способъ мышленія, положенный въ основу нашего врачебнаго образованія, пріучилъ васъ, мм. гг., къ точному, почти математическому и строго послѣдовательному изложенію. Не то изложеніе, напр., историческое, гдѣ строгая законченность почти невозможна. Поэтому оно можетъ быть возбудить въ васъ иногда не совсѣмъ точную критику мысли. Послѣ сухаго изложенія, которое слушалось съ напряженнымъ вниманіемъ, покажутся, пожалуй, легкими мои простыя рѣчи. Но въ нихъ глубокой смыслъ! Какъ, напр., входя въ театръ среди представленія, вы не получите уже цѣльнаго впечатлѣнія, такъ не зная нашей врачебной исторіи, многое для васъ на всю жизнь останется непонятнымъ. Но говоря уже о потребности духа знать исторію родины. Миѣ первому въ Россіи посчастливилось начать чтенія по нашей врачебной исторіи въ Академіи и потому уже вы поймете, что они далеки отъ совершенства.

Взглянемъ мелькомъ, какъ писалась исторія (т. е. на исторіеграфію)? Никто и до сихъ поръ не умѣлъ такъ высоко-художественно соединить необыкновенную простоту съ законченностію и драматизмомъ въ своемъ разсказѣ, какъ отецъ исторіи Геродотъ (V в. до Р. Хр.). Зато стрѣнное въ частяхъ и законченное въ цѣломъ изящное изложеніе лишь того, что видѣлъ самъ, ярко выдвигаетъ **Θυκιδιτα**. Если первый поэтический разсказчикъ, то второй политическій наставникъ и мудрецъ. Вѣрность сужденія, сила изображенія, высота мысли, образность лицъ не подражаемы. Его пойметъ не каждый. **Κσενοφοντς** ужъ человѣкъ партіи (спартаецъ), у него нѣтъ широкаго государственнаго взгляда и пластичности образовъ **Θυκιδιτα**, зато слогъ безупреченъ. Влизокъ къ нему и **Πλυταρχς** (50—120 по Р. Хр.). Греческіе историки старались возбуждать любовь къ отечеству и свободѣ.

Напротивъ, римскіе историки давали героевъ. Самую лучшую часть изложенія **Тита Ливія** (р. 59 по Р. Хр.) составляютъ рѣчи его дѣятелей. Красота и вѣрность картинъ неподражаемы. **Саллюстій** хотѣлъ быть историкомъ, такъ сказать, разврата (югурт. войны, возмущеніе Катилл.). Влизоке къ **Θυκιδιту** изложеніе его блещетъ необыкновенной краткостію слога. И если **Титъ Ливій** пѣвецъ римской старины, то **Саллюстій** мыслитель. Записки о Гальской войнѣ **Цезаря** всѣмъ извѣстны. Исторія римскаго народа и лѣтописи **Корнелія Тацита** (въ I в. по Р. Хр.) это сплошная проповѣдь о гибели Рима отъ разврата и властолюбія цезарей. Пламя сдержаннаго гнѣва даетъ яркое освѣщеніе изображаемымъ лицамъ и событіямъ. Его увлекательные разказы породили много подражателей его слогу и чувствамъ.

Историки IV, V и слѣд. вв., хотя и съ христіанскимъ направленіемъ, служа переходомъ къ средневѣковой исторіи, все-таки представляли, при тогдашнемъ паденіи духа, много уродливаго, пока смѣсь старой философіи и христіанской догматики переродилась въ теплую вѣру и задушевную сердечность монаховъ, составителей хроникъ, какъ **Григ.**

Турскій (540), Исид. Севильскій (VI в.), преподобный Вода (673), Павелъ діаконъ (730). Впрочемъ до самаго рыцарства исторія была лишь церковная — равенство всѣхъ во имя Христа. Въ то безграмотное, по историкѣ, время и они считались мудрецами.

Испанскія хроники (основа лѣтописи), какъ образецъ рыцарства, полны боевыхъ тревогъ, борьбы съ магометанствомъ за христіанство. Онѣ развили сознаніе силы, а стало и гордость, вѣрность къ королю. Даже въ слогѣ паивность близкая къ Геродоту. А п а л а, Пу л ь г а р ь, М о н д о з а. Ихъ сравниваютъ не безъ основанія съ Ливіемъ. Французскіе лѣтописцы того времени трескучи, какъ Ф р у а с с а р ь (1337). Хроники конца времени возрожденія уже болѣе политическія, чѣмъ церковныя.

Тогда же, какъ извѣстно, началось подражаніе древнимъ. Республиканскія понятія нравились на классической свободной почвѣ Италіи. Классическая исторія, какъ Геродотъ, читалась на площадяхъ, каждый городъ имѣлъ своего историка. Первая С п и н е л л и (какъ и всѣ по латыни). Хронисты временъ возрожденія составляютъ переходъ къ временамъ Новой исторіи.

Тутъ уже историческій взглядъ развивался подъ вліяніемъ идей каждаго вѣка. Явились исторіи съ богословскимъ, юридическимъ и съ философскимъ направленіемъ — для насъ и важнымъ. В и к о (1668—1725), Г е р д е р ь (1774), Б о к л ь (1823—1862). Цѣль ихъ — изученіе общихъ законовъ развитія въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Въ нашемъ вѣкѣ явилось направленіе К р и т и ч е с к о е, требующее строгаго изслѣдованія источниковъ прежде чѣмъ начать разсказъ, въ который вносится лишь достовѣрное, не гонясь за отдѣлкой слога. Поэтически изящнаго изложенія нѣтъ. Это больше матеріалы для исторіи. Основатель этого направленія (1817) Н и б у р ь (Римская исторія) и Ш л о с с е р ь, пересмотрѣвшій источники всей всемірной исторіи. Имъ слѣдовалъ у насъ С. М. Соловьевъ. Но все это европейскія направленія (кромя греческихъ), вытекавшія изъ особенностей духа европейскихъ народовъ, выдающихся чертъ характера и міровоззрѣнія ихъ, особенностей, такъ сказать, историческаго типа развитія ихъ. И какъ таковыя, будучи неблизки славянскому духу и міросозерцанію въ твореніяхъ славянскихъ историковъ, выразились лишь подражательностію смотря по мѣрѣ усвоенія, идей Запада. Или были заурядны, или не раскрывали вполне всѣхъ явленій нашей исторической жизни, не всегда ясно понимали ее, а кладя въ основу европейскіе законы развитія, даже затѣмняли ее, хотя можетъ быть и не намѣренно.

Несравненно увлекательнѣе Х у д о ж е с т в е н н о е направленіе, когда строгое изученіе источниковъ соединяется съ изящной красотой изложенія. Первый изъ новыхъ писалъ такъ О г ю с т ь Т ь е р р и (1735 † 1856), въ его Исторіи завоеванія Англій, лѣтописи вносятся цѣликомъ, дѣйствующія лица говорятъ современнымъ имъ языкомъ. За нимъ пошли чуть не всѣ англійскіе историки: П р е й с к о т ь, В а ш и н г т о н ь-И р в и н г ь, М о т л е й и М а к о л е й (1800 † 59). У него лица и событія оживаютъ у васъ на глазахъ. Его Исторія Англій это вершъ совершенства и вмѣстѣ народная эпопея. У насъ старались писать такъ Карамзинъ, Грановскій, Кудрявцевъ и Костомаровъ.

Единственная у насъ исторія медицины въ Россіи (1813), конечно, не подходитъ ни подъ критическое, ни подъ художественное направленіе. Да и то сказать, держаться, втораго направленія едва ли вполне во врачебной наукѣ и возможно, обязательная же критика, прежде чего, по моему, невозможно и искусство, у насъ сильно затрудняется недостаткомъ источниковъ для древнихъ и среднихъ временъ. Но по какому бы изъ выше-сказанныхъ путей мы ни пошли, будемъ помнить: что если русская врачебная исторія имѣетъ свой смыслъ бытія, то она должна разъяснить прошедшія судьбы ея, причинную ихъ связь, вывести тѣ, такъ сказать, законы необходимости, которымъ она не могла не слѣдовать, отъ коихъ не можетъ отступить и въ будущемъ и къ чему по необходимости они приведутъ ее. Какъ, напр., геологу мало знать, что въ глубинѣ моря отлагается известнякъ мелкими песчинками, ему должна сказать химія отъ чего это? Физикъ скажетъ ему, что ледниковый періодъ или отъ измѣненія теплаго теченія (голфстремъ) или отъ тенъ на солнцѣ въ періодъ отдѣленія новой планеты заставившей такимъ образомъ зем

Такъ и археологу-историку долженъ сказать врачъ-физиологъ отъ чего то или другое племя (помимо бытовыхъ и другихъ условій), проходя Россію, остановилось въ ней или нѣтъ. То есть почему тотъ или другой организмъ могъ приспособиться или нѣтъ. Напр., азіатъ кочевникъ не могъ остаться въ средней Россіи, потому что переходъ разомъ отъ сухаго степнаго климата къ сырому проходно-лѣсному былъ слишкомъ рѣзокъ, чего организмъ не выдерживалъ. Почему аборигенное въ Россіи финское племя, уступая натиску славянъ, удалилось къ сѣверу, ибо, появившись само въ ледниковый періодъ, организмъ финна не могъ безнаказанно переносить азіатскаго сухаго степнаго климата, какъ рыба выпутая изъ глубины морскихъ, раздувается и лопается. Почему славяне сладили съ обоими климатами и потому, естественно, вытѣснили обѣ народности? Потому что продвигаясь изъ Египта-ль чрезъ Итальянскія горы или изъ Сирийскихъ степей чрезъ Кавказскія успѣлъ (самъ какъ горный уроженецъ) освоиться. Организмъ его постояннымъ приспособленіемъ выработалъ переносимость и къ теплу и къ холоду. И теперь арабъ въ своей степи чуть не замерзая валится съ верблюда въ прохладныя ночи далеко до 0°. А переселяясь въ умеренный климатъ, все первое поколѣніе преждевременно вымираетъ, большею частью отъ чахотки.

Историку мыслителю, кромѣ знакомства съ философіей исторіи и съ своимъ дѣломъ, нужно еще пониманіе народнои жизни, любовь къ ней, кромѣ полнаго знакомства съ источниками и глубокое пониманіе ихъ въ необходимой зависимости отъ всего окружающаго міра. Великій мыслящій писатель (поэтъ, историкъ тожъ) черпаетъ изъ жизни помимо предшественниковъ. Поэтому каждаго нужно объяснять изъ свойствъ его народа, событий, времени, такъ какъ, понимая глубоко свое время, онъ черезъ призму его и пишетъ. Даже безпристрастный историкъ не чуждъ того. Слѣдовательно, иноземецъ, не могущій естественно чутко понимать жизнь народа, да еще пришлого, совѣтъ не годится въ историка. Примѣръ Ог. Тьерри. Сравните его «Завоеваніе Англій» и «Французская революція». Двѣ вещи несоизмѣримыя, не смотря на всю яркую художественность изложенія перваго. Наши западные критики, составляя толпу, которой удобнѣе двигаться по привычной колесѣ прогресса, т. е. подражать западу, чѣмъ мыслить самостоятельно, хвалятъ нашихъ писателей (даже Пушкина и Карамзина), пока они не вышли изъ подражательности, а лишь сдѣлались самобытными, стали на свои ноги, наши мудрецы не чувствуютъ даже любопытства и часто негодуютъ.

«Люди устраиваютъ свой образъ жизни сообразно своимъ потребностямъ и способу ихъ удовлетворенія», говоритъ Аристотель. Т. е. ключъ пониманія исторіи общества лежитъ въ экономической его исторіи, а не наоборотъ. «Всѣ науки родились,—говоритъ Ж. Б. Вико,—изъ общественныхъ потребностей и нуждъ народовъ и ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей».

Исходя изъ того положенія, что изъ объективныхъ наукъ (субъективными будутъ математика и логика—т. е. психическая математика), лишь химія (изучающая матерію), физика (движенію) и психологія (изучающая духъ) могутъ быть названы теоретическими, т. е. добытыя ими истины суть міровые законы (напр., въ химіи ученіе о паяхъ въ соединеніяхъ, а въ физикѣ законы тяготѣнія); что всѣ остальные науки, добывая лишь частныя, на извѣстную лишь группу предметовъ распространяющіеся, законы могутъ быть лишь сравнительными; казалось бы и въ нашей наукѣ—исторія врачевства въ Россіи—какъ и въ общей исторіи (какъ частной отрасли науки духа) долженъ быть положенъ въ основу методъ сравнительнаго изученія. Но если онъ допустимъ и дастъ хорошіе успѣхи въ общей исторіи, то въ русской врачбной, хотя и построенной на законахъ, добытыхъ общей русской исторіей, онъ мало обѣщаетъ удачи, потому что нашъ славянскій культурно-историческій типъ на столько отличенъ, даже противоположенъ европейскому, что сравненіе съ нимъ научно бесплодно и скорѣе затемнитъ, чѣмъ уяснитъ наше пониманіе, а всѣ явленія общественнаго міра суть явленія національныя и съ этой одной лишь точки зрѣнія и могутъ быть изучаемы. Сравненію (единственно возможное) могло бы быть плодотворно лишь въ естественной группѣ славянскихъ племенъ межъ собой. Но и здѣсь насъ можетъ ожидать разочарованіе, по той краугольной разницѣ въ вынесенныхъ изъ жизни

взглядовъ. Возьмемъ для примѣра народный взглядъ на врача. У сербовъ, болгаръ и даже чеховъ врачъ издавна почетная, уважаемая особа. Выйдя изъ народа, онъ сумѣлъ черезъ тысячи лѣтъ пронести этотъ почетъ, хотя стоялъ большею частью далеко не всегда на уровнѣ науки (врачебной), но жилъ всегда съ народомъ, дѣля его невзгоды. Оттого съ возрожденіемъ этихъ племенъ, какъ независимыхъ государствъ, на нашихъ глазахъ врачъ, усвоившій уже современную науку, сталъ, такъ сказать, сразу, впереди народа, не теряя съ нимъ вѣковой связи, покидая часто свою науку для министерскаго, напр., портфеля. У насъ не то. Будучи продуктомъ Петровскихъ реформъ, сложившійся почти въ особое врачебное сословіе (цехъ, чего не было у славянъ) по европейскимъ образцамъ и хотя тоже частью изъ народа, но за своей сословностью и оевропейскимъ образованіемъ утеряло всякую съ народомъ связь. Издревле, конечно, было по другому. Скифскаго врача уважали даже греки за науку, но скандинавскій приливъ въ Новгородъ и греческій въ Кіевъ затѣснили туземнаго врача, оставивъ прозябать на степени знахаря, но вмѣстѣ съ народомъ. Онъ бы выбился и изъ татарскаго погрома, если бы третье (европейское) теченіе окончательно не смыло его съ почвы. Съ тѣхъ поръ народъ потерялъ въ него вѣру и даже боится его. Сверху же на него смотрять, какъ на «необходимое зло» (не мои слова), а интеллигенція, какъ на прислугу. Съ другой стороны христіанство застало насъ въ томъ переходномъ состояніи міровоззрѣній, когда жреческое сословіе не успѣло еще выработаться (врачи же вездѣ были изъ жрецовъ), тѣмъ же сплотиться, слиться съ народомъ. Заговоры, повѣрья, обрядность, обычай и пр., хотя бы при одномъ лѣченіи, вытекаая изъ всего міровоззрѣнія, составляютъ до того полное цѣлое, охватывающее всего человѣка и весь народъ, что отрѣшиться отъ какой-либо одной части народъ никакъ образомъ не можетъ не перевернувъ вверхъ дномъ всего внутренняго міра. Возможно лишь одно — разомъ отрѣшиться отъ всего стараго. Но что возможно здраво убѣжденному уму одного человѣка, то не подъ силу общественному (состоящему изъ нѣсколькихъ поколѣній) уму. Остается ожидать, пока все отживающее міровоззрѣніе, переживъ, заглохнетъ, при содѣйствіи всепоглощающаго времени. А какъ оно складывалось десятками тысячъ лѣтъ, то едва ли потребуеъ меньше для своего окончательнаго уничтоженія. Тутъ же какъ бы нарочно всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, не выходя въ сущность этого міроваго закона (не вѣдая, что творять), поддерживаютъ старыя убѣжденія тѣмъ, что стараются насильно дать новое, забывая, что насиліе не въ духѣ русскаго человѣка. Что же мудренаго, что народъ, не желая поступиться (пассивное противленіе) своимъ внутреннимъ я, не вѣритъ и не идетъ къ официальному врачу и часто не безосновательно. Жалобы на это уклоненіе начались со времени обособленія врачебнаго сословія въ Россіи, естественно и теперь.

Во врачебную исторію входятъ много, почти обособившихся, отдѣльныхъ отраслей: исторія бывающихъ у насъ болѣзней а) всеобщихъ, б) мѣстныхъ, в) повальныхъ и приипность ихъ всѣхъ, — географія болѣзней съ статистикой, а теперь и демографія здороваго и больнаго человѣка; исторія лѣченія этихъ болѣзней, т. е. философскія и народныя воззрѣнія на болѣзнь и постепеннаго усовершенствованія какъ ученія о болѣзняхъ, такъ и методовъ лѣченія и пр. и все это въ зависимости отъ общаго состоянія наукъ въ странѣ; исторія быта самихъ лѣчителей, особенно стараго вѣка, лѣчебныхъ мѣстъ, законовъ врачебныхъ, судебныхъ, полицейскихъ, санитарныхъ и зависимость всего этого отъ политическаго, народнаго и др. развитія страны.

Здѣсь слѣдъ бы сказать о мѣстѣ, названіяхъ, значеніи и достоинствахъ нашихъ историческихъ источниковъ, но этимъ займется особая работа моя, теперь, къ сожалѣнію, еще не оконченная. Могу только предупредить не особенно довѣряться иносезнымъ сказаніямъ о насъ. Они не хотятъ знать о нашемъ врачествѣ. У Гезера въ «Исторіи» (изд. 1890) встрѣчаются Пироговъ, Шимановскій, да какіе то Гейфельдеры, Мандты. Тогда какъ во время полнаго развитія Кильскаго университета, въ средниѣ прошлаго вѣка, тамъ былъ профессоромъ русскій — Полетика.

ЧАСТЬ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ.

Чѣмъ больше будемъ вглядываться со всѣхъ сторонъ въ разнообразныя условія, окружающія изучаемый предметъ, тѣмъ полнѣе освѣтится онъ и тѣмъ яснѣе будетъ вліяніе каждаго изъ нихъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію собственно русской врачебной исторіи, остановимся на естественныхъ, бытовыхъ и другихъ близкихъ къ нимъ условіяхъ страны.

Г Л А В А I.

Поверхность русской равнины. — Лаврентіевская и Гуронская формации. — Силлурійская и Девонская форм. — Камменноугольная. — Пермская. — Заключение. — Вторичныя образованія, Триасъ. — Юра. — Мѣль. — Третичныя, Эоценъ. — Міоценъ. — Плиоценъ. Заключение. Третичныя по М. Богданову. — Четвертичныя образованія, Ледниковыя—Двѣлювій.—Аллювій.—Опусканіе Арало-Каспія по М. Богданову.

Часть поверхности земнаго шара, занимаемая европейскою Россіей, представляетъ равнину, окаймленную вокругъ по всѣмъ границамъ возвышеніями почвы, до 100 саж., вулканическаго происхожденія. Съ сѣвера возвышенный берегъ океана и Бѣлаго моря, финляндскія горы, морской берегъ Лифляндіи, Курляндіи, Карпаты, Волынской, Днѣпровскія кряжи, Екатеринославскія высоты, Крымск. Кавказскія горы, Уральскій хребетъ ограничиваютъ русскую равнину, за самымъ малымъ исключеніемъ къ сѣверу отъ Карпатъ и къ югу отъ Урала. Срединя всей равнины составляетъ плоскую возвышенность (Алаунская, Москва), до 150 саж., того же вулканическаго поднятія, слѣды котораго, не смотря на разрушеніе выстоящихъ породъ и ихъ размытіе, сохранились въ видѣ назыв. народомъ щеліи — высокихъ, прямыхъ, крутыхъ возвышенностей Олонец. губ. Отъ этой плоской возвышенности поверхность во всѣ стороны идетъ, постоянно понижаясь, до 75 саж., вплоть до пограничной возвышенной каймы, поднимающейся сразу, мѣстами (финскіе, крымскіе) уступами. А какъ на такой равнинѣ напластываніе осадковъ естественно шло равномерными слоями, то въ углубленіяхъ предгорій и скопились подпочвенныя воды, образуя болота.

Вся поверхность европейской Россіи отъ временъ мірозданія, какъ извѣстно, была покрыта моремъ, сплошной полосой отъ Ледовитаго океана до Черно-Арало-Каспійскаго. На первобытныя гнейсы, граниты (до 15000 сажень въ Америкѣ) Лаврентіевскои коры оно осаждало вывѣтренныя и размытыя породы въ видѣ первобытныхъ же Гуронскихъ сланцевъ и шиферовъ, покрываемыхъ затѣмъ осадками силлурійскаго океана. Вулканическая дѣятельность подняла и вывела изъ моря наружу граниты въ Финляндіи, Олонец., Архангел. губ., Уральск., Кавказск. хребтахъ, въ долинахъ Днѣпра, Буга и Днѣстра. Въ гранитахъ Финляндіи и Урала находятся 2 вида мрамора, рапакави — гнилой мраморъ, изъ него въ ледниковое время образовались валуны и руды. Тѣжъ руды и аморфный черный углеродъ, похожіи на каменный уголь, найдемъ и въ гуронскихъ пластахъ тѣхъ же горъ. Въ Европѣ еще попадаются жалкіе остатки организмовъ въ гуронской фор-

маціи, а въ Россіи и тѣхъ нѣтъ. Изъ Силлурийскаго океана выстояли Финляндія, Вольтс., Києв., Екатер. края, да на востокъ Уральскій хребетъ съ параллельнымъ ему, у Бѣлаго моря, Тиманскимъ краемъ. Отложенія этого океана видны по Петербург., Эстлянд. и Лифлянд. губ., по Днѣстру, на Тиманск. краяхъ и Уральскихъ горахъ. Въ остальныхъ мѣстахъ они закрыты болѣе новыми пластами. Самыя древнія, такъ назыв. кембрийскіе слои синей глины, угулитоваго песчаника и горячаго сланца; средніе слои песчаники; верхніе — известняки. Общая покатость слоевъ на югъ, а у береговъ уступами (террасами). Влѣзъ г. Холмы, Псков. губ., межъ девонскими пластами, а влѣзъ Вышняго Волочка изъ слоббъ каменнаго угля выступаютъ островами силлурийскіе осадки. Самые мощные изъ нихъ къ сѣверу отъ Днѣпра, утончаясь постепенно на юго-востокъ. Ясна чечевицеобразная форма всего пласта по теченію Днѣпра. Ядро чечовицы известняки (25 саж. толщи), а по краямъ песчаники. Девонское море было меньше Силлурийскаго. На образованныхъ имъ такимъ образомъ берегахъ только и остались силлурийскіе пласты, непокрытые болѣе новыми слоями въ Олопец., Новгород., Петербург., Псковс., Лифл. и Курл. губ. Ярkokрасные и свѣтлозеленые известняки девонскаго отложенія тянутся по Витебс., Смоленс., Калужс., Тульс., Орлов., Воронеж., Тамбов. и Рязан. губ. Ихъ три яруса. На мелководѣ кварцевые песчаники, при опусканіи дна покрывавшіеся глинистыми песчаниками; на глубокихъ мѣстахъ известняки; при поднятіи дна опять отлагались глина и песчаники. Выступившія изъ моря толщи разрушались и снова отлагались на дно (у Радома, Келец. губ., у Тиманск. края, у Печеры, Вычегды и запад. Урала). Какъ на переходныя къ каменно-угольнымъ отложеніямъ смотрятъ геологи на Малевко-Муравниковскіе известняки, особенно въ Рязан. и Тульск. губ.. Каменно-угольное море еще много меньше Девонскаго. Оно отступило еще болѣе на востокъ, образуя берегомъ линію, идущую изъ-за Бѣлаго моря къ юго-западу, касаясь Архангельска, южнаго берега Онежскаго озера и на уровнѣ Новгорода, повернувшись прямо на югъ, а на высотѣ Орла прямо на востокъ почти до Тамбова, потомъ опять къ югу до Повочеркаска. Обходя такимъ образомъ такъ назыв. центральную девонскую ось (125 сажениую толщу известняка выступившей суши), море охватывало Орлов., Воронеж., Харьк., Києв. губ. Здѣсь по берегу слои песка, песчаники, обломки подлежащихъ породъ, идя къ сѣверу, къ центру, сжѣнялись мергелями, мѣлуподобнымъ мелководнымъ каменноугольнымъ известнякомъ. Въ Новгород. же и Тверс. губ., Валдайской возвышенности (145 саж.) надъ пескомъ и песчаниками отлагался известнякъ съ плохими каменнымъ углемъ, богатымъ сѣрнымъ колчеданомъ. Еще выше каменноугольные пласты залегали въ песчаникахъ Новгород., Моск., Тульск., Калужск. и Рязанс. губ., какъ побережныхъ того моря — дальше, къ срединѣ его, угль ужъ нѣтъ — такъ какъ водоросли (лямпарин и фукоиды) лишь по берегамъ представляли роскошную растительность, въ глубинѣ же моря известняки отлагались безъ угля. Въ Донецкой возвышенности, по теченію теперяшняго Каль-Міуса, Міуса, Донца, рѣки сносили наземный лѣсъ въ заливы (лиманы), гдѣ онъ отлагался межъ водорослей, заносился иломъ, пескомъ, а водоросли уходили дальше. За ними отступали заливы, снова наполняемые сплавлепными деревьями, кои снова заносились иломъ и т. д. и т. д., образуя не высокіе (25 саж.) пласты каменнаго угля по Тиманскому крижу и вдоль всего Уральскаго хребта. Межъ крайними выходами каменнаго угля въ Москвѣ и влѣзъ Урала площадь покрыта пермскими отложеніями и пестрыми рухляками, а подъ ними каменноугольныя породы. Пермское море было почти такой же величины. Западный берегъ его почти прямая линія съ сѣвера на югъ чрезъ Архангельскъ, Кострому, Тамбовъ, выше Новочеркаска и Ставрополя. Восточный берегъ шелъ тоже почти прямою линією на Пермь, Оренбургъ и восточный берегъ Каспійскаго моря. Отложенія Пермскаго моря — известняки, рухляки съ богатыми мѣдными рудами по уральскимъ склонамъ (Бахлу), на Екатеринославскія возвышенности, мощныя залежи каменной соли у теперяшняго Славянска, Соликамска, Солигалича, Сольвычегодска.

Слѣдовательно въ древнее время, т. е. въ первичныхъ образованіяхъ, крохъ моря, отступавшаго или наступающаго, отъ поднятія или опусканія дна его, дѣйствовали и вулканическія силы. Такъ еще въ девонское время на сѣверѣ Россіи огромные потоки лавы

отъ соприкосновенія (контактъ-метаморфоза) съ осадочными породами образовали стекловидные камни, яхонты, всѣ хрустальныя породы и пр. и пр. Та-же вулканическая дѣятельность продолжалась и въ каменноугольное время, какъ вышесказанныя оловоцкія щели.

Въ лаврентьевской и гуронской формаціяхъ, какъ видѣли, нѣтъ остатковъ организмовъ. Въ такомъ огромномъ морѣ могла быть лишь морская живность — мягкотѣлые, при полномъ отсутствіи наземныхъ животныхъ. Въ силлурійское время это царство мягкотѣлыхъ — головоногихъ (ортоцератиты), плеченогихъ и ракообразныхъ (трилобитовъ) самыхъ характерныхъ для силлуря, кораллы, иглокожія. Около Петербурга въ силлурійскихъ известнякахъ нрѣдка длинная прямая раковина двухъ аршинъ. Въ девонское время являются характерныя закрученныя раковины наUTILИДОВЪ, гоніотидовъ. Силлурійскія мягкотѣлые исчезаютъ, замѣняясь безголовыми, но характерны для девона лишь громады щитосныя рыбы. Въ каменноугольныхъ пластахъ множество мелкихъ фораминифера а въ пермскихъ ящеры, особенно на Уральскихъ горахъ. Фукоиды и другія водоросли встрѣчаются въ силлурійское и девонское время; а наземныхъ растений не знаемъ. Хотя нужно предполагать, что въ девонское время ихъ было не мало, такъ какъ въ каменноугольный періодъ знаемъ богатую и роскошную растительность, покрывающую всѣ материка — громадные древовидные хвощи, папоротники, плауны на землѣ и цѣлыя лѣса водорослей въ водѣ океана у берега. Въ пермскихъ слояхъ встрѣчаемъ много меньше растительности, но отпечатки громадныхъ каламитовъ, папоротниковъ отлично сохранили пермскія руды Урала.

Вторичныя образованія:

Триасовыя пестрые мергели или пестрые рухляки залегаютъ прямо на пермской породѣ въ губ. Архангел., Вологод., Тверс., Яросл., Костромс., Нижегород., Казан., Вятс., Пермс., Уфимс., Самар. Оренбургской и узкой полосой съ запада подъ Уральскимъ хребтомъ, уходя въ Киргизскія степи. Это мощныя толщи мергелей, песчаниковъ и глинъ, окрашенныхъ полосами въ красный, желтый и зеленый цвѣта, какъ напр., по среднему и нижнему теченію Камы. Въ Келецкой (у Радома) губ. на нихъ лежатъ островками раковинистые известняки и пестрые песчаники, которые въ Астраханс. губ. и въ Киргизск. степи образуютъ горы — Большой и Малый Богдо — состоящія изъ чередующихся пластовъ известняка, глины и песчаника съ окаменѣлостями. Триасовыя отложенія бѣдны остатками организмовъ. Въ пестрыхъ рухлякахъ попадаются куски ствола гиганскаго древовиднаго хвоща, нѣсколько прѣсноводныхъ мягкотѣлыхъ, рыбьи зубы, да зубы и щетки ящера-лабиринтодона. А въ триасѣ Польши и горы Богдо встрѣчаются типичныя раковины головоногихъ цератидъ. Юрское море, обнажая болѣе и болѣе сѣверную и даже среднюю Россію идетъ прихотливымъ зигзагомъ. Омывая узкой полосой Тимане. кряжъ, захвативши Вологод., Костромскую, часть Нижегородс., Симбир., Саратовс. губ. и затопивъ снова Моск., Рязанск., все теченіе р. Дона, Орловс., Курс., Харьк., Кіевс. (что было сушию въ каменноугольное время), Могил. губ., наводняетъ такимъ образомъ западную часть материка и сливается въ Польшѣ съ европейскимъ моремъ. Въ москов. бассейпѣ на сѣверѣ Юрское море отложило чередующіеся пласты глины, песку и мѣстами мергеля, богатаго окаменѣлостями. Слѣдовательно, это внутреннее мелководное средиземное море, потому и пески. А на югѣ и юго-востокѣ глубокое море покрывало всю Арало-Каспійскую котловину, отъ Оренбурга, весь Кавказъ, кромѣ горнаго хребта и Крымской Нйлы (хребетъ) и отложило громады толщи известняка. Межъ центральной девонской осью (Днѣпровской гранитной полосы) и межъ Донецкаго кряжа Юрское море, тоже глубокое, на югѣ переходитъ въ Мѣловое, а къ сѣверу, молѣя, постоянно къ концу юрскаго времени всеѣмъ исчезаетъ. Въ юрскихъ московск. отложеніяхъ, а главнѣе въ глинахъ нижнеюрскихъ пластовъ по берегамъ Дона много остатковъ хвощей, папоротниковъ, плауновъ. Особенно пышны тамъ цикадовые растенія, пальмообразныя стволы (теперь лишь подъ тропиками) и немного хвой. Въ среднихъ юрскихъ пластахъ почти нѣтъ остатковъ, а въ верхнихъ таже богатая растительность и много хвой. Живность представляютъ кораллы, лучистые, мягкотѣлые, много видовъ аммонитовъ (спиральныя раковины головоногихъ) и белемниты. Очень много громадныхъ рыбообразныхъ ящеровъ-ихтіозавровъ (похожихъ на

дельфина) и плезиозавровъ. Къ началу Мѣловаго моря весь сѣверъ Россіи представлялъ сушу, а немного позднѣе и средняя Россія. Мѣлы доходятъ до 54° с. ш. Сѣверная граница Мѣловаго моря шла съ запада на востокъ черезъ города: Вильно, Могилевъ, Орелъ, Воронежъ, Симбирскъ, круто загибаясь на югъ по теченію Волги много ниже Саратова. Нижнее теченіе Днѣпра, Буга и Дона представляло островъ въ этомъ морѣ. Освободивъ сѣверъ и центръ Россіи, вода какъ бы стекла къ юго западу, образовавъ сплошное море вплоть до слиянія съ Балтійскимъ. А на юго-востокѣ выстояли лишь полоски Крымскаго и Кавказскаго горныхъ хребтовъ. Вся толща мѣловыхъ отложений состояла изъ песковъ слипшихся, въ видѣ рыхлаго песчаника, изъ мергелей да бѣлаго мѣла. По границѣ моря пески. Въ верхнихъ слояхъ ихъ часто попадаются цѣлые пласты фосфоритовъ, а въ нижнихъ жерновой камень пластинами и часто гнѣздами. Фосфоритъ это песокъ, сѣщенннй углекислою известію, которая выщелочилась изъ костяковъ и раковинъ и, вѣроятно, по отмѣлямъ мѣловаго моря, гдѣ обычно селятся многочисленныя колоніи мягкотѣлыхъ. Далѣе къ югу моря на пескахъ былъ мѣлъ, а часто подъ нимъ мѣловой мергель не толстыми слоями. Мѣловые пласты, постоянно утолщаясь къ югу, въ Курской, напр., губерніи достигаютъ 15 саж., въ Крыму (гдѣ ужъ смытъ) и по обоимъ склонамъ Кавказскаго хребта, гдѣ подъ нимъ мергель, пески и сростки. Остатковъ организмовъ въ мѣловыхъ — хотя самъ мѣлъ почти сплошь изъ микроскопическихъ раковинъ діатомей (двустворокъ?) — отложенийъ много меньше, такъ какъ мелководныя осадки состоятъ, большей частью, изъ песковъ, кои очень плохо сохраняютъ. Въ бѣломъ мѣлѣ и на глубинѣ мало остатковъ, встрѣчаются лишь въ рыхлѣхъ и фосфоритахъ. Въ самыхъ нижнихъ песчаникахъ у г. Клина найдено нѣсколько видовъ папоротниковъ, хвощи, цикадовыхъ, хвон, губки, коралловъ, мягкотѣлыхъ, особенно устрицовыхъ, немного аммонитовъ, остатковъ ящеровъ, да въ нижнемѣловыхъ песчаникахъ много акулъ.

Третичныя образованія:

Эоценъ. Въ средней и южной Россіи бѣлый мѣлъ прикрытъ толщами песчаниковъ и песчано-глинистыхъ отложений. Растительность и живность въ нихъ переходныя. Отъ праваго берега Волги широкой полосой (межъ Симбирска и Царицына) тянутся эти отложения до Днѣпра и за него, теряясь въ олигоценѣ Литвы. Съ сѣвера они ограничиваются древними, мѣловыми, юрскими, каменноугольными и девонскими осадками, а на югѣ скрываются подъ повыми, исключая Донецкаго кряжа. До Чернаго моря эоценовыя осадки не доходятъ. Кажется, эоценовое море было мелководнымъ средиземнымъ, судя по микроскопическимъ растительнымъ и животнымъ остаткамъ, которые на востокъ по Волгѣ, Дону и Донцу суть угасающіе мѣловыя, а на западѣ, у Днѣпра чисто эоценовыя. Вѣроятно послѣ отложения въ глубокое море мѣла, дно морское поднялось и на него оселъ мелководный эоценъ. Ко времени міоцена эоценовое море уже высохло, т. е. вся сѣверная часть мѣловаго моря вплоть до южной черты острова того моря образуемаго нижнимъ теченіемъ Дона, Днѣпра и Буга, т. е. линіи Херсонъ-Черкасскъ. Въ Крыму и на Кавказѣ осѣли известняки на днѣ глубокаго эоценоваго моря, покрывавшаго большую часть южной Европы до Гималая въ Азіи, въ Китаѣ и Японіи. Эти пумулитовыя известняки получились отъ раковинъ корненожекъ и названы по сходству ихъ съ монетой. Олигоценъ, лишь въ Польшѣ, Литвѣ и Курляндіи, состоитъ изъ песчаноглинистыхъ осадковъ, содержащихъ пласты бураго угля и янтара. Эоценъ и олигоценъ сосавляютъ нижній ярусъ третичныхъ образованій — эогенъ, а міоценъ и пліоценъ составляютъ верхній ярусъ — неогенъ. Сѣверной границей Міоценоваго моря шла вышесказанная линія Херсонъ-Черкасскъ, приподнимаясь лишь къ западу по теченію Буга и Днѣстра не широкой полосой до Вѣискаго моря, а на юговостокѣ она доходила до уровня почти Оренбурга, сливаясь съ Арало-Каспійскимъ моремъ. Южный берегъ Чернаго моря уже образовался. Налѣво оно узкой полосой, межъ Балканъ и Карпатъ, сливалось съ Болгарск. и Румынск., а направо сливалось съ міоценомъ Донецкаго кряжа огибая широкой уже полосой Кавказскій хребетъ. Суша Кавказа, въ видѣ острова, доходила почти до Азовскаго моря. Южная половина Крыма тоже уже выстояла островомъ. Хотя этимъ была обязана болѣе вулканической дѣятельности мѣловаго еще время, когда образовались